

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ОТЦАМ И ДЕТЯМ»

Публикация | Т. С. Грица |

Трудно назвать еще какое-либо литературное произведение, которое вызвало бы столько взволнованных и раздраженных откликов, как «Отцы и дети» Тургенева. Сочетание злободневности событий и характеров с неопределенностью авторского к ним отношения, вопрос о «молодом поколении» и образ Базарова как выразителя его настроений — породили ожесточенные споры и взаимоисключающие оценки.

Катков, увидевший в романе «апофеозу» «Современнику», негодовал на то, что Тургенев спустил «флаг перед радикалом» и отдал «ему честь, как перед заслуженным воином». Ю. Ф. Самарин обвинял Тургенева в «гражданской трусости» за то, что он «не смешал с грязью» Базарова.

Остро реагировали на роман и представители разночинно-демократического лагеря. Многие обвиняли Тургенева в тенденциозном искажении образа Базарова и рассматривали роман как политический памфлет. Критик «Современника» М. А. Антонович сравнивал Тургенева с реакционером В. И. Аскоченским и оценивал роман как панегирик «отцам» и злостную клевету на «детей» («Асмодей нашего времени». — «Современник», 1862, № 3).

Отзывы о романе произвели на Тургенева тягостное впечатление. «Я замечал холодность, доходившую до негодования, во многих мне близких и симпатических людях; я получал поздравления, чуть не лобызания от людей противного мне лагеря, от врагов», — вспоминал он в статье «По поводу „Отцов и детей“» (X, 347).

Особенно болезненно воспринял Тургенев обвинения в отступничестве от прежних идей, в «реабилитации отцов» и в «оскорблении молодого поколения». Он хотел нейтрализовать их посвящением романа Белинскому и несколькими вступительными строками.

Поручая Н. Х. Кетчеру хлопоты по отдельному изданию «Отцов и детей», Тургенев писал 13/25 июня 1862 г.: «Кажется, предисловия никакого не нужно — только бы мне хотелось посвятить эту вещь памяти Белинского — и, может быть, прибавить несколько строк от себя».

18/30 июня он посылает Кетчеру исправленный экземпляр романа «с прибавленным посвящением и двумя-тремя вступительными строками», добавляя при этом: «Если тебе мое небольшое предисловие покажется лишним, ты можешь его выкинуть».

Через десять дней судьба предисловия окончательно решена. «Находящиеся здесь Боткин и Фет полагают, что никакого предисловия не нужно, что нечего мне извиняться, — пишет Тургенев Кетчеру 28 июня/10 июля. — Я убедился их доводами, и предисловие ты можешь выкинуть — оставив одно посвящение, которое говорит довольно за себя» (см. также А. Фет. Мои воспоминания, ч. II. М., 1890, стр. 306).

Вскоре «Отцы и дети» вышли отдельной книгой с посвящением Белинскому и без предисловия, которое до сих пор считалось утерянным. Однако мне удалось обнаружить текст его в неизданном «Дневнике» А. Н. Афанасьева. По словам Афанасьева, предисловие уже было набрано, но друзья Тургенева — Кетчер, Е. Ф. Корш и другие — «остановили его».

Неизданное предисловие к отдельному изданию «Отцов и детей» публикуется по рукописной копии Афанасьева, сделанной в августе 1862 г. (ЦГАОР, ф. 279-И, оп. 1, ед. хр. 1062, л. 298).

Варваро Яковлевна
Курташевская

на память старинной призаки

Рыбаки

Октябрь 1862.

Сума 1908. 25 декабря

ОТЦЫ И ДЕТИ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

ВИССАРИОНА ГРИГОРЬЕВИЧА

БЪЛИНСКАГО.

СОН. ИВ. ТУРГЕНЕВ.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВЪ СТОЛИЦѢ ИВАНЪ

1862.

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ» (М., 1862). ДЛЯ ЭТОГО ИЗДАНИЯ, ВЫШЕДШЕГО С ПОСВЯЩЕНИЕМ БЕЛИНСКОМУ, ТУРГЕНЕВ НАПИСАЛ ПРЕДИСЛОВИЕ, ОСТАВШЕЕСЯ НЕНАПЕЧАТАНЫМ

Экземпляр с дарственной надписью Тургенева: «Варваре Яковлевне Курташевской на память старинной призаки от агора. Октябрь, 1862»

Надпись наклеена на форзаце, под ней — позднейшая помета неуставленного лица
Литературный музей, Москва

〈ПРЕДИСЛОВИЕ〉

«Отцы и дети» возбудили в публике столько противоречащих толков, что, издавая отдельно этот роман, я возымел было намерение предпослать ему нечто вроде предисловия, в котором я бы сам попытался объяснить читателю, какую собственно поставил я себе задачу. Но, размыслив, я отказался от своего намерения. Если само дело не говорит за себя, все возможные объяснения автора ничего не помогут. Ограничусь двумя словами: я сам знаю, и мои друзья в этом уверены, что мои убеждения ни на волос не изменились с тех пор, как я вступил на литературное поприще, и я с спокойной совестью могу выставить на первом листе этой книги дорогое имя моего незабвенного друга.